

*Светлой памяти
Василия Васильевича Радлова
и Агнии Васильевны Десницкой
посвящается*

Ne s'mund të bëjmë dot gjëra të mëdha,
vetëm gjëra të vogla me dashuri të madhe.

Nuk është e rëndësishme se çka bëjmë,
por sa dashuri japim në atë çka bëjmë.

Nënë Tereza

Нам не дано совершать великих дел,
мы можем делать лишь малое с великой любовью.

Не важно, что мы делаем,
важно, сколько любви мы вкладываем в то, что делаем.

Мать Тереза
(Перевод А. А. Новика)

ЕВРОПА И МИР, МУЗЕЙ И ЛЮДИ. ПРЕДИСЛОВИЕ

Юбилейный сборник «Европейское культурное пространство в коллекциях МАЭ» посвящен двум значимым датам в истории отечественной гуманитарной науки, музейного дела и просвещения — в 2012 г. мы отметили 175-летие со дня рождения Василия Васильевича Радлова (1837–1918) и 100-летие со дня рождения Агнии Васильевны Десницкой (1912–1992).

Славная история Кунсткамеры, первого общественного музея России, основанного в 1714 г. царем-реформатором Петром Великим (имя которого в настоящее время носит наше учреждение), знает немало имен талантливых руководителей, самозабвенных ученых и подлинных сподвижников науки и образования в Отечестве. В этой славной плеяде особым образом выделяется Василий Радлов, чьими стараниями и усердием МАЭ стал флагманом этнографической и антропологической науки на протяжении последних сотни с лишним лет в России и Европе. Имя Радлова неразрывно связано с теми реформами, которые определили облик нашего учреждения и сделали его широко известным в мире.

Обратившись к истории, мы можем засвидетельствовать, что существовавший в системе Императорской Академии наук Этнографический музей (с 1879 г. — Музей по антропологии и этнографии) в течение многих лет был малодоступен для публики, почти не проводил научной работы, а также не имел своего печатного органа. Ситуация коренным образом изменилась после назначения весной 1894 г. на пост директора МАЭ академика Василия Васильевича Радлова. Благодаря стараниям нового директора в самом конце XIX в. было принято решение начать издание «Сборника Музея по антропологии и этнографии». В феврале 1900 г. по распоряжению Академии наук был издан первый выпуск первого тома на немецком языке, состоявший из двух частей. С этого времени наш музей стал обладателем собственного периодического издания, проводника научной мысли, ставящего цель в первую очередь познакомить общественность с богатством хранимых в МАЭ коллекций, собранных в различных регионах мира. Публиковаться в сборнике всегда считалось делом престижным и значимым, изданные статьи и исследования вызывали

Василий Васильевич Радлов (1837–1918)

дискуссии в научной среде и неподдельный интерес в среде специалистов-музееведов.

Предлагаемый читателю сборник стал 58-м по счету — эта цифра является доказательством жизненности детища В. В. Радлова, сумевшего объединить вокруг себя лучшие кадры, целиком посвятившие себя изучению и сохранению традиций и культурного многообразия народов мира.

Том сборника также посвящен 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР / РАН Агнии Васильевны Десницкой (1912–1992), в трудах которой поднимались важнейшие вопросы лингвистики и этнографии (германистика, балканистика, албанистика, славистика). А. В. Десницкая оставила глубокий след в отечественной и мировой науке прежде всего как филолог — ее труды (такие как «Албанский язык и его диалекты» (Л.: Наука, 1968), «Албанская литература и албанский язык» (Л.: Наука, 1987) и др.) стали классикой албановедения и балканистики, на много десятилетий определив цели и задачи для многих поколений исследователей в разных странах (Россия, Албания, Германия, Польша и др.).

Вместе с тем Агния Васильевна Десницкая внесла огромный вклад в дело изучения фольклора и традиционной культуры балканских народов, в первую очередь албанцев Балканского полуострова и диаспоры. В ее трудах содержится богатейший материал, собранный в поле в ходе проведения диалектологических экспедиций, научных поездок, контактов с носителями традиции и языков Балкан. Агния Васильевна, являясь представителем советской интеллектуальной элиты (ее отец, Василий Десницкий-Строев, был одним из теоретиков социалистического реализма, а воспоминания детства маленькой Агнии

Агния Васильевна Десницкая (1912–1992)

были связаны с Максимом Горьким, который, бывая в их доме, часто сажал ее на колени и обращался к всяческим воспоминаниям и историям, о чем она впоследствии любила рассказывать на лекциях и семинарах своим студентам), имела возможность посещать разные страны в самые суровые годы «железного занавеса». Агния Васильевна, побывавшая в самых экзотических уголках Европы и, зная жизнь людей в самых дальних окраинах континента, испытывала неподдельный интерес к особенностям быта и психологии людей, живших не так, как жило большинство в Западной, Центральной или Восточной Европе. Она всегда говорила своим ученикам, что если бы не была лингвистом, то обязательно стала бы этнографом — эта наука ее увлекала и вызывала восторг (именно так!).

Благодаря стараниям А. В. Десницкой в Ленинграде/Санкт-Петербурге была создана школа албановедения, которая признается ведущей в мировом научном сообществе. Ученики Агнии Васильевны стали не только языковедами и литературоведами, но и этнографами, историками, переводчиками. В МАЭ РАН дело А. В. Десницкой продолжается — балканистика является одним из главных направлений деятельности отдела европеистики. Изучение явлений на стыке языка и культуры балканских народов позволяет делать обобщающие выводы по многим вопросам, стоящим перед современной наукой о человеке.

Многие годы А. В. Десницкая и К. В. Чистов представляли Ленинград в историко-филологическом отделении Академии наук СССР / Российской академии наук. Интеграция исследований в области языка и культуры всегда была отличительной особенностью научной школы Ленинграда/

Санкт-Петербурга. В этом плане знаковым является посвящение «Сборника МАЭ» человеку, внесшему вклад в гуманитарную науку страны, определившему развитие целых направлений исследований для многих поколений ученых.

В предлагаемом вниманию читателей выпуске «Сборника МАЭ» авторы публикаций обращаются к теме европейской традиции в Европе и мире — на примере прежде всего вещевых и иллюстративных коллекций, хранящихся в нашем собрании. Кунсткамера изначально задумывалась как музей редкостей, диковинок, экзотических вещиц, способных поразить воображение посетителя. Поэтому европейских предметов в нем не должно было быть, ведь Европа — это то, что близко и хорошо знакомо (или кажется, что знакомо). Со временем, к концу XIX в., пришло осмысление того, что европейский континент, европейские народы, культура и быт европейцев настолько разные и таят в себе столько необычного, что современники не только этого не знают, но даже не догадываются обо всем многообразии, скрывающемся не только за калиткой ближайшего соседа по континенту, но и в собственном доме.

К XIX столетию европейцы начинают осознавать ценность своей традиционной культуры (именно традиционной, сельской, бабушкиной), и некоторые из их числа перестают гнаться за модой, промышленной революцией, последними открытиями и новейшими технологиями. Произошло переосмысление традиции, вызвавшее интерес к наследию предков, собственным этническим корням и локальным особенностям культуры регионов Европы. Более того, в тех странах и регионах, где традиционное было практически вытеснено массовым, происходит новое изобретение (переизобретение) традиции. Так, в ряде земель Германии пытаются воссоздать народный костюм, который получает статус престижного и аристократического (вместо прежнего — сниженного и сельского); в Испании проводятся вечеринки аристократов с пением народных песен под аккомпанемент гитар и мандолин; в России с ростом интереса к русским истокам на балы в Зимнем дворце дамы должны были являться в кокошниках и сарафанах (время правления Николая I), причем это происходило при тотальном наступлении французской моды, французских вкусов, французского языка и французского образа мыслей!

Новое изобретение традиции отражало устремления части общества, пытавшегося избежать унификации и усредненности, вернуть к жизни утраченные формы народной культуры, которая стала восприниматься как истинная и непреходящая ценность.

XX в. стал временем грандиозных трансформаций в мировом масштабе. Глобализация, отказ от привычных форм быта и устройства жизни, изменение ценностных ориентиров вызвали небывалый прежде рост искусственных, непривычных большинству жителей планеты и зачастую навязываемых извне правил и предпочтений, касающихся организации пространства, времени, качества повседневной культуры.

Название сборника «Европейское культурное пространство в коллекциях МАЭ» отражает концепцию юбилейного тома. В задачи авторов входило отразить влияние европейской культуры и европейской цивилизации на всю ойкумену. Выбрав предметом изучения музейные коллекции МАЭ, мы стреми-

лись показать всеобъемлющее проникновение европейских подходов, европейской эстетики, европейской традиции в культуру народов как самой Европы (как бы парадоксально это ни звучало), так и всего мира (прежде всего Евразии).

Особенно актуален такой подход в наши дни, когда все чаще говорят о «закате Европы», когда макроэкономисты, политологи, социологи и аналитики в один голос утверждают, что господству Европы и европоцентризма приходит конец — мол, центр экономики безвозвратно перемещается из Европы и США в Азию, демографические процессы не дают утешительных прогнозов для «старушки Европы», а будущее континента туманно и неопределенно. При этом в быстроразвивающихся «четырёх азиатских тиграх» (Южная Корея, Сингапур, Гонконг и Тайвань), стремительно растущих в плане экономики Малайзии, Макао, Таиланде и других государствах Азии, равно как и в других странах и уголках планеты, люди носят одежду, сшитую по европейскому образцу, живут в домах, проекты которых создавались в Европе и США, едят в заведениях общепита то же, что и европейцы и американцы, покупают продукты и товары в супермаркетах, входящих в глобальные сети, проводят досуг так, как принято в Европе, стремятся приобрести престижные вещи, моду на которые диктует всепроникающая реклама, а последняя постепенно становится своеобразным идеологическим механизмом, формирующим вкусы и пристрастия людей, их устремления и убеждения (sic!).

При растущем в мире негативном отношении к глобальной культуре и ценностям общества потребления мы не можем отрицать того факта, что для все большего числа людей европейский образ жизни сам по себе становится престижным — это значит, что не все **европейское (американское)** мы соотносим с **европейским** как условную производную) воспринимается отрицательно. Определенная часть европейских достижений становится и уже стала эталоном, к достижению которого стремятся остальные.

Приведем лишь несколько примеров. Виноделие в Китае (которое не было не только развито, но и не могло рассчитывать на минимальный спрос в стране) стало активно развиваться в последние годы, более того, виноделы добились определенных результатов, а вино и его потребление в китайском обществе стали прочно ассоциироваться с престижными маркерами успешной и **современной** жизни.

В Южной Азии (Индия, Пакистан, Бангладеш, отметим: не самые богатые страны в плане ВВП на душу населения) проходят интереснейшие процессы в сфере моды и производства одежды. Так, индустрия моды в Индии приобрела колоссальные размеры. Страна, которая долгое время оставалась оплотом сохранения традиционного костюма (вспомним обращение Махатмы Ганди (1918), призвавшего соотечественников отказаться от европейского костюма в целях сохранения своей идентичности и обретения свободы, в ответ на которое были сожжены миллионы дамских шляп, сшитых по европейской моде, и иные заморские наряды), демонстрирует гипертрофированный рост предприятий моды и модельных агентств, призванных обеспечить спрос на актуальную дизайнерскую одежду, в которой переплелись местные, индийские, и европейские черты и направления. В свою очередь индийская индустрия моды, черпая вдохновение как из этнических источников и тысячелетних традиций, так и из кладезя европейских и мировых достижений в этой области, все больше завоевывает европейские, американские и японские рынки, по-

лучая высокую оценку ценителей индивидуального стиля и эксклюзивной одежды.

Мигранты, приезжающие в Европу, как правило, пытаются интегрироваться в местное общество, принимая его установки, правила, бытующие традиции. Отрицание и нежелание приобщаться к европейским ценностям воспринимается не как норма, а как отход от правил — в этом случае люди, не желающие принимать реалии европейской жизни, так и остаются маргиналами, не понятыми и не принятыми большинством.

На этом фоне мы отмечаем среди самих европейцев возрождение интереса к истокам собственной культуры, своим корням, традициям. Коллекции музеев (вещевые фонды и фотоиллюстративный материал) становятся в этих условиях важным источником сведений по идентичности и самосознанию, рост интереса к которым мы наблюдаем во всем мире.

Авторский коллектив сборника — сотрудники отдела европеистики, отдела Южной и Юго-Западной Азии, отдела Восточной и Юго-Восточной Азии, Центра политической и социальной антропологии, экспозиционно-выставочного отдела и научно-вспомогательных подразделений МАЭ РАН (Санкт-Петербург), Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (Минск). Исследовательские статьи, посвященные культурному континууму континента — от Португалии, Испании, Франции и Великобритании до Европейской Турции, Индии и Бангладеш — опираются на коллекции старейшего музея России. Большинство работ являются новаторскими по тематике. Авторы постарались не только проследить и проанализировать особенности традиционной культуры различных народов Европы, но и показать влияние европейского взгляда на вещь в мире в широких хронологических рамках. В свою очередь, европейское начало во многих реалиях регионов мира преломляется, видоизменяется и возвращается в Европу уже в другом виде, статусе и качестве. Подчас видоизмененное, это начало транслируется в мир вновь, порождая новые качества и формы. Задача нашего сборника — показать такое разнообразие и попытаться осмыслить процессы, происходящие в нашем обществе.

Структура и содержание сборника

Предлагаемый вниманию читателей сборник МАЭ структурирован по темам исследований, вытекающим из его, то есть сборника, концепции и согласованным с актуальными научными и музейными задачами авторского коллектива.

Раздел I «К истории “Сборника Музея антропологии и этнографии”» посвящен В. В. Радлову и его детищу — «Сборнику МАЭ». В раздел входит одно исследование по данной теме.

Открывает сборник статья Владимира Николаевича Кислякова «“Сборник Музея антропологии и этнографии” в первые десятилетия XX в. (1900—1918 гг.)». В этом исследовании анализируются этапы становления «Сборника Музея антропологии и этнографии», его первые выпуски, а также тематика

номеров. «Сборник Музея антропологии и этнографии» явился результатом неумолимой деятельности Василия Васильевича Радлова как ученого, организатора науки, музейного администратора и просто любознательного и вездесущего (в хорошем смысле) человека. К сожалению, Василий Радлов так и не увидел вышедшим из типографии пятый юбилейный том (в мае 1918 г. В. В. Радлову исполнилось 80 лет) своего детища. Однако «Сборнику МАЭ» суждено было стать самым долгосрочным проектом среди издательских инициатив старейшего публичного музея России.

В. Н. Кисляков, много лет посвятивший изучению истории Кунсткамеры, формированию ее коллекций, людям, работавшим в ней, скрупулезно восстанавливает по архивным источникам сведения о первых номерах сборника. С убедительной точностью, характерной для всех без исключения публикаций Владимира Николаевича, рисуется проблематика, палитра тем, задач и достигнутых целей статей первых авторов «Сборника МАЭ», которые в свое время определили основные векторы развития этнографической и музейной мысли Российской империи / Советского Союза / современной России.

Раздел II «К истории формирования коллекций МАЭ» посвящен различным этапам накопления артефактов, комплектации фондов, а также замечательным и талантливым людям — отечественным и зарубежным ученым, музейоведам и собирателям — Василию Радлову, Артуру Хазелиусу, Леопольду Радлову и др. В раздел включены пять работ.

Эту часть открывает статья Людмилы Эдуардовны Суत्याгиной «Артур Хазелиус и Василий Радлов. Поиски парадигмы нового музейного пространства на рубеже XIX–XX столетий». Данное исследование знакомит читателя с деятельностью двух выдающихся ученых России и Швеции на рубеже XIX–XX вв. — директора Императорского музея антропологии Василия Радлова и директора Северного музея в Стокгольме Артура Хазелиуса.

В XIX в. ряд европейских ученых — этнографов, антропологов, филологов, историков и археологов — включился в интересный творческий процесс, связанный с активными поисками и созданием нового образа музея человека. Это время часто называют эпохой музейного ренессанса. Скандинавские страны выступили среди пионеров данного направления. Название первого шведского музея под открытым небом (англ. Open-Air Museum) Скансен, открытого в Стокгольме 11 октября 1891 г., стало нарицательным. А. Хазелиус как автор идеи создания Скансена и Северного музея (Nordiska museet) вдохновил В. В. Радлова на усовершенствование музейного дела в Кунсткамере, созданной Петром Великим. Став в 1894 г. директором Музея антропологии Императорской академии наук, Василий Васильевич Радлов внимательно изучал опыт европейских коллег по созданию открытых этнографических музеев, организации системы музейного комплектования, хранения и экспонирования коллекционных предметов.

Помимо сбора информации о деятельности европейских музеев, академик Радлов собирал книги, каталоги, иллюстративные материалы об устройстве музеев и музейных собраний. В 1902 г. В. В. Радлов положил начало библиотеке МАЭ, подарив музею свое обширное книжное собрание. В библиотеке Музея антропологии и этнографии РАН сохранились два каталога Северного

музея, изданные в Стокгольме в 1881 и 1888 гг., с гербовой печатью Музея антропологии Императорской академии наук.

Но наибольший интерес представляет редкий альбом с рисунками и чертежами Исака Густава Класона, шведского архитектора и автора проекта строительства Музея Северных стран, или Северного музея (Nordiska museet), в Стокгольме. Альбом, изданный в 1891 г. в Стокгольме, был подарен Василию Васильевичу Радлову Артуром Хазелиусом. Об этом с привлечением архивных материалов и опираясь на источники того времени рассказывается в исследовании Л. Э. Сутягиной.

В статье Людмилы Эдуардовны Сутягиной приводится также интересный биографический материал о деятельности Василия Радлова и Артура Хазелиуса, которых по праву можно назвать новаторами музеологии рубежа XIX–XX столетий.

В работе Полины Александровны Матвеевой «Всемирные выставки как прототипы этнографических музеев» речь идет о закономерностях развития последних на рубеже XIX–XX вв. и роли В. В. Радлова в становлении Музея антропологии и этнографии в этот период. В частности, уже после смерти В. В. Радлова, в 1930-е годы, в том числе и на волне интереса к марксистской теории, французские организаторы науки при создании парижского Музея человека (Musée de l'Homme) ориентировались в первую очередь на ленинградский Музей антропологии и этнографии, *единственный в СССР музей общечеловеческой культуры*. В статье автор использует данные, полученные в ходе командировки в Париж в январе 2012 г. В работе приведена обширная библиография по теме.

В исследовании Татьяны Алексеевны Шрадер «Леопольд Радлов в Этнографическом музее Академии» раскрывается один из эпизодов истории (середина XIX в.) Музея антропологии и этнографии.

К 1836 г. был завершен раздел коллекций Кунсткамеры, но в созданном в старом здании Кунсткамеры Этнографическом музее, с многочисленными и ценными коллекциями, работы по его усовершенствованию велись медленно. Поэтому в 1860 г. академики К. М. Бэр и А. А. Шифнер предложили ряд мер по улучшению состояния этого академического музея. В этот период консерватор музея Леопольд Радлов, совмещавший обязанности хранителя с преподаванием латинского языка в одной из петербургских гимназий, проводил работу по систематизации собранных ранее экспонатов. Кроме того, им был опубликован ряд научных работ по народам Северной Америки, научную значимость которых отметили российские академики, в том числе К. М. Бэр. Самые важные результаты работы Л. Радлова — составление статистических отчетов о коллекциях и пополнение музея экспонатами из Дании.

Деятельность консерватора Этнографического музея Императорской академии наук Л. Радлова, прослужившего там 17 лет (1846–1863), высоко оценили российские академики, отметив, что он «привел в отличный порядок предметы этого музея». На 1 января 1864 г. этнографическая коллекция музея насчитывала 4726 предметов, 24 из них Л. Радлов лично привез из Дании.

Исследование Т. А. Шрадер опирается на материалы архивов, находящихся в Петербурге, и снабжено солидным ссылочным аппаратом.

Статья Ильи Борисовича Губанова «Скандинавская бронза из коллекции МАЭ РАН и историко-культурное значение скандинавского бронзового века» продолжает знакомить читателя с активной собирательской и музейной деятельностью Леопольда Радлова, а также переносит нас в мир коллекций предметов из Скандинавии эпохи бронзы.

Основная часть исследования И. Б. Губанова посвящена описанию коллекции вещей Скандинавии бронзового века, переданной в наш музей в XIX в. по обмену Королевским музеем г. Копенгагена и лично всемирно известным датским археологом Йенсом Якобом Асмуссеном Ворсо.

Статья тематически состоит из двух частей. В первой части вещи коллекции атрибутированы типологически и хронологически согласно наиболее авторитетной типологии скандинавских древностей бронзового века, разработанной Оскаром Монтелиусом и дополненной Кристианом Брохольмом. Показано, что коллекции скандинавских древностей МАЭ РАН включают вещи, типичные для всех шести периодов скандинавского бронзового века. Таким образом, собрание МАЭ РАН отличается полнотой и позволяет проследить динамику изменения и появление новых типов скандинавских вещей как раннего, так и позднего скандинавского бронзового века.

Во второй части статьи показано значение коллекции МАЭ РАН в контексте ключевых проблем европейского энеолита и бронзового века — в решении вопроса о прародине индоевропейцев и связях Восточного Средиземноморья и Южной Скандинавии в бронзовом веке. Исследование И. Б. Губанова снабжено значительным количеством иллюстративного материала, призванного обеспечить наглядность излагаемых автором идей и подходов к поставленным исследовательским задачам.

Раздел, посвященный истории формирования коллекций МАЭ, завершает статья Игоря Юрьевича Котина «Европейский контекст коллекции индийского оружия МАЭ РАН», в которой анализируются предметы, попавшие в фонды нашего музея с полуострова Индостан. История поступления этого оружия заслуживает специального исследования, а детальное описание хранящихся артефактов необходимо хотя бы потому, что коллекция представляет, помимо важного этнографического источника по традиционной культуре народов Индии, интерес с исторической точки зрения, так как большинство предметов являются дарами цесаревичу Николаю Александровичу, будущему императору Николаю II. Подарки были получены цесаревичем Николаем Александровичем, наследником российского престола, во время его путешествия по Индии в 1890–1891 гг. Позднее, в 1896 г., предметы были переданы в Императорскую Кунсткамеру.

Автор проводит параллели между хранящимся в МАЭ индийским оружием и коллекциями подобных артефактов в других европейских собраниях. И. Ю. Котин описывает историю формирования коллекций индийского оружия в нашем музее с привлечением различных источников, анализируя материалы с высокой степенью достоверности, что позволяет читателю погрузиться в увлекательный мир индийского ремесла и искусства (в части оружейного производства между этими понятиями сложно провести границу).

«Часть индийских предметов попала в Петербургскую Кунсткамеру из Берлинского музея народоведения, унаследовавшего коллекции Прусской королевской кунсткамеры. В. В. Радлов, ставший директором Императорской

Кунсткамеры в 1894 г., установил хорошие отношения с директорами европейских этнографических музеев, в частности с директором-основателем Берлинского музея народоведения Адольфом Бастианом (1826–1905). В Санкт-Петербург благодаря этому обмену попали некоторые предметы (колл. № 604) из Мадрасской провинции Британской Индии (современные штаты Тамилнаду, Керала, южная часть Андхра-Прадеш), собранные немецким исследователем Теодором Ягором» [Котин 2013].

Статья И. Ю. Котина подчинена основной теме сборника — влиянию европейского культурного пространства на культуры и традиции народов мира. Оружие, анализируемое в исследовании, в большинстве своем было изготовлено на заказ. Это образцы индийского оружейного дела (ремесла-искусства), подчиненного вкусам европейского заказчика. Европейская тема, европейский контекст незримо присутствуют во многих индийских коллекциях МАЭ — либо как условия и обстоятельства создания предмета, либо связаны с историей его приобретения.

Раздел III «Европейская культура в полиэтничных регионах и контактных зонах Евразии» посвящен европейским коллекциям, собранным учеными МАЭ в ходе многолетних комплексных экспедиций в Северное Причерноморье. Главным образом внимание исследователей приковано к широкой зоне пограничья Украины, России, Молдовы и Румынии. Предметы и фотоиллюстративный материал, привезенные из экспедиций, позволяют проводить исследования традиционной культуры проживающих в этом полилингвальном и мультикультурном регионе этносов на солидной фактологической базе. В раздел включены три статьи, касающиеся проблематики, исключительно актуальной в современной этнологии.

Исследование Александра Александровича Новика «Традиционная одежда албанцев Приазовья и Буджака в собрании МАЭ» посвящено теме, которая, по сути, никогда прежде не была освещена в отечественной и зарубежной науке. Часть албанского населения, покинувшая территорию современной Юго-Восточной Албании ориентировочно в конце XVI — начале XVII в., первоначально обосновалась на востоке Болгарии (в современной области Варны), а затем переселилась в пределы Российской империи (1811). По всей видимости, к моменту переселения албанцы уже носили болгарскую одежду, заимствованную у соседей в процессе совместного проживания на протяжении практически трехсот лет. К началу XX в., когда началось систематическое научное изучение этой этнической группы (упомянем здесь Н. С. Державина), албанские элементы костюма уже не фиксировались (либо не были описаны исследователями, либо не воспринимались самими носителями традиции как албанские). Одежда албанцев в Буджаке и Приазовье была такой же, как и у соседей по названным регионам — болгар и гагаузов.

В XX в. ситуация, связанная с бытованием традиционной одежды, кардинально изменилась — на смену народному костюму пришли новые варианты, диктовавшиеся городской модой и распространением типов общего европейского костюма (у мужчин такое вытеснение традиционного происходило быстрее, у женщин медленнее — в силу более замкнутого образа жизни). После 1950-х годов немногие в албанских селах Украины носили традиционную

одежду. Начиная с 1970-х годов народный костюм стали реконструировать для ансамблей художественной самодеятельности, которые были созданы в селах Буджака и Приазовья.

Коллекции МАЭ уникальны, так как в них представлены элементы традиционной одежды албанцев Украины, относящиеся к XIX столетию и последующему времени. Благодаря собирателям (А. А. Новику, Ю. В. Бучатской, Д. С. Ермолину, А. С. Дугушиной и др.) музей располагает большим количеством женской и мужской одежды, украшениями (привезенными из паломничества к святым местам и бытовавшими в XIX–XXI вв.), образцами вышивок (использовавшимися для украшения одежды) и т.д. В собирании коллекций по албанцам Украины приняли активное участие также члены комплексных этнографических и этнолингвистических экспедиций в полиэтничные регионы Украины — студенты, аспиранты и преподаватели Санкт-Петербургского государственного университета (О. Л. Опошнян, М. С. Морозова и др.).

Албанские коллекции нашего музея уникальны ввиду того, что подобные предметы не представлены ни в одном собрании мира. В советский период значительное количество экспонатов из албанских сел было выставлено в ряде региональных украинских музеев (г. Запорожье, г. Мелитополь и др.), однако в дальнейшем данные экспозиции были редуцированы или свернуты, а сами коллекции остались неописанными. Исключение составляет лишь собрание албанских предметов быта и одежды в Приазовском районном краеведческом музее (поселок (прежний статус — поселок городского типа) Приазовское Запорожской области) и Запорожском областном краеведческом музее (г. Запорожье). Однако по количеству и ценности экспонаты, представленные в МАЭ, намного превосходят хранящиеся в других собраниях.

Весь фонд коллекций одежды албанцев Украины был собран сотрудниками отдела европеистики МАЭ во время экспедиционных исследований в Запорожской и Одесской областях Украины в период с 1998 по 2013 г. В статье А. А. Новика албанский костюм анализируется на фоне исторических событий, происходивших в Буджаке и Приазовье и влиявших на его бытование. При описании коллекций МАЭ автор прибегает к исторической реконструкции костюма в тех местах, которые требуют уточнения и детализации (при отсутствии самих реалий в музейных коллекциях). В качестве иллюстраций к тексту, помимо фотографий музейных предметов, используются снимки, выполненные автором в ходе экспедиций, а также рисунки, сделанные А. Н. Ермолиной (урожд. Коба) в 2010 г. в с. Георгиевка. Сами рисунки, представляющие информационную и художественную ценность, стали частью фотоиллюстративного фонда отдела европеистики МАЭ.

Статья Дениса Сергеевича Ермолина «“Браслет с боженьками”, или Христианский пространственно-предметный код албанцев Приазовья» продолжает основную тему раздела сборника — изучение традиционной культуры этносов в зонах контактов в Северном Причерноморье.

Работа в целом посвящена христианскому пространственно-предметному коду албанцев Украины, в частности, затрагивает такие важные для балканистики вопросы, как паломничество к святым местам и информационные коды колонистов — выходцев с Балканского полуострова в местах их нового проживания в Приазовье. Взяв за основу предметные и фотоиллюстративные кол-

лекции МАЭ, а также привлекая материалы научных архивов МАЭ и ИЭА РАН и электронного фотоархива ИЭА, автор рассматривает совокупность предметов личного пользования, которая с середины XIX в. до настоящего времени, будучи непосредственно связанной с православием, бытует в албанских селах, выступая символами конфессиональной и этнической идентичности и социального престижа. Помимо этого, Д. С. Ермолин описывает историю и современное состояние культовых построек и сооружений, связанных с православием в албанской среде (храмы, придорожные и надгробные кресты). Одна из задач анализа христианского пространственно-предметного кода — определение его функции на повседневном, обрядовом и ритуально-магическом уровнях. В статье используются материалы многолетних полевых изысканий автора в Приазовье и Буджаке.

Исследование Д. С. Ермолина иллюстрировано снимками артефактов, хранящихся в МАЭ, а также фотографиями, привезенными из экспедиций разных лет сотрудниками отдела европеистики.

Завершает раздел статья Александры Сергеевны Дугушиной «Родинная обрядность албанцев Приазовья (по материалам фотоиллюстративного фонда МАЭ РАН и архива отдела европеистики)». Исследование автора базируется на материалах комплексных экспедиций сотрудников МАЭ и СПбГУ в Приазовье, Буджак и на Балканский полуостров. А. С. Дугушина проводит анализ родинной обрядности албанцев Украины, опираясь на хранящиеся в нашем музее фотографии, сделанные в селах Георгиевка и Девнинское Приазовского района Запорожской области. Автор привлекает большой корпус архивных и полевых материалов, что делает исследование убедительным и фактологически богатым.

Фиксация, систематизация и анализ данных, касающихся обрядов жизненного цикла, в частности родинной обрядности, представляют собой одну из главных целей комплексных экспедиций, предпринимаемых сотрудниками МАЭ РАН, для описания в перспективе этнолингвистической картины данного ареала расселения албанских колонистов. Статья, написанная на основе хранящихся в музее материалов, вводит в научный оборот малоизвестные и малодоступные широкой научной аудитории сведения.

Раздел IV «Европейская культура и европейский континент: взгляд из музея» посвящен европейским коллекциям, поступившим в МАЭ в разные годы из Германии, Беларуси, Франции, Испании и Португалии. Особое внимание авторов уделено фотографиям и открыткам, поступившим в начале XX в. из немецких земель (главным образом из Баварии и Саксонии), белорусским коллекциям, дарам европейцев Иосифу Сталину (переданных после смерти советского лидера из бывшего московского Музея подарков И. Сталину в МАЭ РАН), а также новым поступлениям — женской традиционной одежде из Португалии. В раздел включены четыре работы.

Статья Юлии Валерьевны Бучатской «Германия конца XIX — начала XX в. в фотоиллюстративных коллекциях МАЭ РАН» посвящена иллюстративным коллекциям по немцам в собрании нашего музея. Данный иллюстративный фонд насчитывает несколько сотен единиц хранения, включает фотоотпечатки, открытки и цифровые фотографии. Первые из них собирались сотрудни-

ками Кунсткамеры в начале XX в., в приобретении фотографий участвовал в том числе Л. Я. Штернберг. Внушительный массив иллюстраций представляют собой аналоговые фотографии Первой российско-германской этнографической экспедиции в Северную Германию (материалы которой нашли отражение в многочисленных публикациях Александра Сергеевича Мыльникова, Александра Александровича Новика и Юлии Валерьевны Ивановой-Бучатской). В результате экспедиций последних лет фонд пополнился богатейшим собранием цифровых фотографий из регионов Южной и Юго-Западной Германии. Ю. В. Бучатская лично принимала участие в пополнении фонда и является автором многих снимков из новейших поступлений.

Вместе с тем иллюстративные коллекции МАЭ, собранные на рубеже XIX и XX столетий, представляют собой важнейший этнографический, исторический и искусствоведческий источник, не оцененный до наших дней. Открытки, фотографии, типографские отпечатки и прочее, выполненные на рубеже веков, попали в музей в первые десятилетия XX в., однако их описание проводилось большей частью в 1940–1950-е годы. К этому времени уже были неизвестны собиратели иллюстраций, места их путешествий и содержание снимков. Научному описанию этого фонда, истории формирования коллекций, комментированию и интерпретации изображенных объектов и сцен и посвящена статья Ю. В. Бучатской, которая проделала колоссальную работу по систематизации, атрибуции и описанию фотоиллюстративной коллекции по немцам в собрании МАЭ. Помимо важного научного и музейного вклада, сделанного автором, статья представляет собой завершенное исследование, которое интересно читать, — это характерная черта всех текстов Ю. В. Бучатской, будь то новаторские статьи либо монографические сочинения.

Статья Марии Николаевны Винниковой «Реконструкция локальных вариантов традиционного белорусского костюма с использованием материалов из собраний музеев России и Беларуси» базируется на коллекциях МАЭ, РЭМ и музейных собраниях Беларуси. Данное исследование является исключительно новаторским. Музей антропологии и этнографии располагает уникальной коллекцией женских головных уборов с территории Беларуси, бытовавших в XIX–XX вв. Гомельская область (в частности, Тереховский район) представляет собой богатый для этнографа ареал, в котором законсервировались архаические формы костюма, бытовавшие до первых десятилетий XX в. СобираТЕЛЬСКАЯ деятельность наших предшественников, научных сотрудников МАЭ, позволила сохранить до нашего времени уникальные образцы головных уборов сельских и городских жительниц Гомельщины. Важно, что подобные экземпляры не сохранились в музейных собраниях Беларуси, но представлены в коллекциях петербургских музеев. В этом плане коллекции МАЭ предоставляют редкую возможность реконструировать белорусский региональный костюм убедительно и достоверно. Статья М. Н. Винниковой отличается глубиной анализа и содержит массу интереснейшего этнографического и искусствоведческого материала.

В статье Джульетты Изауовны Месхидзе «О “кукольной коллекции” фонда Европы МАЭ РАН и народном костюме басков» анализируются коллекции, поступившие в наше собрание из упраздненного Музея подарков И. Сталину

в г. Москве. На примере музейных артефактов автор проводит реконструкцию традиционного баскского костюма — и делает это исключительно интересно.

В коллекционном собрании отдела Европы Музея антропологии и этнографии хранятся куклы в национальных костюмах, подаренные различными организациями к 70-летию юбилею И. В. Сталина. В настоящей статье речь идет о «баскском подарке» — трех куклах в традиционных костюмах (колл. № 6087-3—5) — и традиционной одежде басков. Именно особенности костюма стали поводом к написанию одной из первых русскоязычных публикаций по баскской этнографии. Его активное изучение началось в 60-х годах XX в., что было связано с интересом к воссозданию старинных моделей народной одежды. Наиболее ранние письменные источники по истории баскского костюма — античные тексты; со временем информация о нем пополнялась и детализировалась, а к XVI в. уже появились первые изобразительные коллекции (Христофа Вайдитца, Ханса Вайгеля, Чезаре Вечеллио). В последующем число литературно-иконографических свидетельств «костюмной темы» значительно возросло, с 40-х годов XIX в. пополняясь фотографическими материалами. Традиционный баскский костюм (*Euskal jantzi tradizionala*) прочно сохранился в крестьянской среде (особенно в горных районах), где его бытование фиксировалось вплоть до Гражданской войны (1936—1939).

Костюмные комплексы (и мужские, и женские) являлись, как правило, однотипными во всех местностях, тогда как их конструктивные детали, декоративное оформление, цветовые сочетания, отличаясь многообразием и специфичностью локальных форм, отражали социальный статус своего владельца. Считается, что этноспецифические черты баскского костюма определяют головные уборы — женский белый платок *sani* и мужской берет *чапела* — и типичная для мужчин и женщин обувь *абарки*. Вкупе с присущими оригинальными чертами народная одежда басков имела сходство с нарядами других народов Испании и Франции и была тесно связана с музыкально-танцевальной культурой.

«Кукольная коллекция» из фондов отдела Европы МАЭ РАН дает представление о стилистических особенностях традиционного костюма как важной составляющей этнической культуры, этических и эстетических взглядах конкретных европейских народов.

Статья Елены Станиславовны Соболевой «Португальский женский костюм в коллекции МАЭ» завершает раздел сборника, посвященный европейской культуре и европейскому континенту. Автор в своем исследовании продолжает разрабатываемую ею давно тему формирования национального костюма в Португалии. Публикуется часть коллекции из района Вьяна-ду-Каштелу — одного из ведущих центров традиционного ремесла и декоративного искусства Северной Португалии. В 2010 г. господин Луиш Фонтела, секретарь CIEL — Международного центра исследований португалоязычных стран (г. Брага, Португалия), передал в дар МАЭ полный комплекс женского народного костюма «по-вьянски», который вручную сшили мастерицы кооператива «Arte Viana». Подобный тип костюма крестьянки-миньоты, типичный для бывшего региона Минью, в XX в. был выбран как образец официального национального португальского костюма, как символ единства страны. Характерные элементы одежды (конструкция композитных юбки и передника, размещение и характер декорированных зон, цвета и символика орнаментов

и пр.) свидетельствуют о сохранении архаичных традиций древнего земледельческого и пастушеского населения Иберийского полуострова. Эти особенности отражены и в парных нитяных куклах Северной Португалии.

Статья Елены Станиславовны Соболевой снабжена большим количеством иллюстраций, наглядно демонстрирующих бытование традиционной одежды на самой западной оконечности Европы.

Раздел V «Европейское культурное пространство в современном мире: фактор престижа и ценности традиций» обращает нас к теме **европейского** как концепта. В данном разделе анализируются коллекции МАЭ с позиции компаративного подхода, который в рамках общей темы служит для выявления инноваций в различных локальных традициях, возникающих под влиянием общемировых течений, обусловленных развитием общества на протяжении достаточно длительного исторического периода. Авторы исследований проводят изучение таких феноменов, как кашмирская шаль, свадебная одежда выходцев из Бангладеш в Великобритании и племенное искусство варли в Индии. В раздел включены три публикации.

Открывает раздел исследование Елены Николаевны Успенской «Индийская предыстория русского кашемирового полушалка». Статья погружает читателя в удивительно красивый и наполненный тайными смыслами мир восточных и европейских тканей, секретов ткачества и жизни мастеров, воплотивших в своих изделиях вековые традиции народов Евразии. «Кашмирская шаль в своей жанровой своеобразности сложилась как синтез нескольких этноспецифичных художественных традиций, но стала одним из наиболее прославленных брендов индийской исламской культуры, потому что получила практически всемирную известность как элемент придворного антуража Могольских правителей Индии и ее князей – “магарадж”» [Успенская 2013].

Статья автора как нельзя лучше отражает идею и замысел предлагаемого читателю «Сборника МАЭ»: в ней исследуется европейское культурное пространство в теснейших контактах с остальным миром и иными традициями, анализируются векторы заимствований и взаимовлияний, степени приближения и нового осмысления как собственных культурных достижений, так и созданных другими этносами и группами. В исследовании этап за этапом воссоздается история появления и бытования кашмирских шалей в Индии, их проникновения в Великобританию и Россию (естественно, автор не ограничивает свое описание этими странами, а предлагает базирующийся на многочисленных источниках анализ материала по всему огромному пространству — от Индийского до Атлантического океанов).

Основное внимание Елены Николаевны Успенской уделено родству российского кашемирового полушалка и его индийского прототипа — кашмирской шали. Это родство узнаваемо — об этом говорят мотивы и композиционные решения «восточного» декора, хорошая ткань из качественных натуральных волокон. «Платок-полушалок вырабатывается на основе особого артикула тонкой высококачественной шерстяной ткани саржевого переплетения, которая со времен становления машинной технологии ткачества по сей день называется *кашемир*, и платок получил свое наименование по этой ткани. Теперь при производстве русского платка-полушалка используются и шелк, и даже

хлопок, но кашемир по-прежнему остается вне конкуренции. Однако похоже, что очевидное родство с индийским прототипом не осознается даже в кругах профессионалов. Напротив, в истории кашемирового платка, в названиях декоративных мотивов осталась память о его якобы турецком (несмотря на “кашмирское” имя) происхождении. Европейские родственные связи кашмирской шали *кани джамавар* и следы этих родственных связей в России заслуживают специального рассмотрения, а наши музейные коллекции дают возможность проследить эту историю предметно» [Успенская 2013]. На примере хранящихся в фондах МАЭ шалей и образцов тканей Елена Николаевна выстраивает свое во многом новаторское научное исследование.

Статья Ольги Николаевны Меренковой «Коллекции МАЭ РАН и журналы свадебной моды как источник информации о взаимовлиянии европейской и южноазиатской культур (на примере свадебной одежды британских бангладешцев)» посвящена традиционной одежде бенгальцев и проникновению европейских влияний в сферу свадебного костюма выходцев из Бангладеш, живущих в Великобритании. Данная тема является совершенно новой. Автор анализирует коллекции МАЭ, а также обращается к журналам моды, публикуемым в Соединенном Королевстве.

Тема выходцев из Индии, Пакистана и Бангладеш, массово мигрировавших после Второй мировой войны в Великобританию, США и Канаду, в последние годы стала устойчивой в науке. Обращение О. Н. Меренковой к свадебному костюму бенгальцев, претерпевшему существенные изменения и подвергнутому значительному влиянию так называемого европейского костюма и европейской моды, весьма актуально и своевременно, так как подобных исследований еще не проводилось (как зарубежными, так и отечественными учеными).

Анализ проводится с привлечением коллекций МАЭ, обладающих уникальным собранием по традиционной культуре народов Южной Азии в целом и одежде в частности. Статья О. Н. Меренковой дает читателю возможность проследить инновационные сдвиги в такой архаичной и устойчивой сфере, как костюм, под влиянием европейских и глобальных тенденций. Исследование предоставляет возможность читателю познакомиться с взаимопроникновением южноазиатской и европейской культур на материале музейных коллекций, публикаций по теме, а также разнообразных иллюстративных источников и интернет-ресурсов.

Завершает раздел и сборник статья Ксении Михайловны Воздиган «Искусство племени варли за пределами ритуального пространства: Д. С. Маше и его работа в собрании МАЭ. К истории европейского признания племенного искусства Индии». Это исследование можно назвать новаторским: новая тема, новые суждения, новое видение традиционного и инновационного.

Предлагаемая работа посвящена рассмотрению процесса трансформации, пожалуй, самой известной племенной изобразительной традиции Индии — искусства варли, одного из крупных «зарегистрированных» племен западного региона страны. Изначально искусство варли носило исключительно сакральный характер и являлось анонимным продуктом окказиональных комплексных церемоний, не имеющим самостоятельной эстетической ценности.

Буквально выплеснувшись за пределы ритуального пространства во второй половине XX в. благодаря государственной политике популяризации, сегодня образцы росписей варли на мобильных носителях представлены в экспозициях многих музеев мира. Один образец имеется и в собрании МАЭ РАН: это работа широко известного в Европе художника Дживья Сомы Маше, который первым перенес традиционное искусство своего народа на бумагу и стал создавать и популяризировать его вне связи с ритуальными действиями. В работе освещается влияние творчества Д. С. Маше на коммерциализацию изобразительной традиции варли, а также новые контексты, в которых это искусство существует сегодня как в Индии, так и за ее пределами.

Статья Ксении Михайловны Воздиган концептуально завершает юбилейный сборник МАЭ, посвященный многообразным культурным связям Европы и мира, а также европейскому культурному пространству, исключительно важному в современном глобальном мире.

Остается надеяться, что предлагаемый сборник вызовет интерес у читателя, поможет решить определенные задачи, связанные с изучением традиционной культуры народов мира, позволит узнать новые подходы к музейному делу и даст возможность приобщиться к несомненным культурным ценностям, хранящимся в нашем уникальном собрании, служившем и служащем примером для многих этнографических музеев мира, основная цель которых — показать многообразие культур человечества и самого человека.

Сборник «Европейское культурное пространство в коллекциях МАЭ» снабжен многочисленными иллюстрациями с изображениями предметов традиционной культуры из фондов МАЭ и других музейных собраний России и других стран (прежде всего Украины и Беларуси), а также фотографиями, рисунками, эскизами из фотоиллюстративного фонда отдела европеистики МАЭ и полевых материалов авторов статей.

Том дополняет CD-диск с цветными иллюстрациями, которые в силу технических сложностей не могли быть опубликованы на страницах издания. Работа по комплектованию диска и путеводителя к иллюстративным материалам была выполнена старшим научным сотрудником отдела европеистики Ю. В. Бучатской.

Фотографии предметных коллекций выполнены сотрудниками лаборатории аудиовизуальной антропологии музея Н. В. Ушаковым, С. Б. Шапиро, Е. Б. Толмачевой. За проделанный колоссальный труд хочется выразить им глубокую благодарность.

Большая поддержка в подготовке иллюстративного ряда сборника была оказана старшим специалистом экспозиционно-выставочного отдела М. А. Янес и ведущим специалистом отдела информационных технологий М. В. Хартанович. Хочется выразить им искреннюю признательность.

Отдельной благодарности заслуживает самоотверженный труд Н. Г. Голант, благодаря стараниям которой был сформирован визуальный ряд данной книги.

Необходимо отметить и кропотливую работу лаборатории реставрации и консервации МАЭ (руководитель О. В. Жмур), без которой вообще была бы невозможна музейная деятельность. Сотрудники лаборатории обеспечили профессиональную чистку предметов и подготовку коллекционных вещей к фотографированию.

Огромную помощь в работе при подготовке издания оказали хранители фондов Л. Ф. Трущенко и Н. И. Андросова.

Пользуясь случаем, хотелось бы выразить особую благодарность редакционно-издательскому отделу МАЭ, в первую очередь М. А. Ильиной и Т. В. Никифоровой, за внимательное отношение, долгое терпение и ценные советы.

Александр Новик

Библиография

Котин И. Ю. Европейский контекст коллекции индийского оружия МАЭ РАН // Европейское культурное пространство в коллекциях МАЭ. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 100–108. (Сборник МАЭ. Т. 58).

Успенская Е. Н. Индийская предыстория русского кашемирового полушалка // Европейское культурное пространство в коллекциях МАЭ. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 413–436. (Сборник МАЭ. Т. 58).